

Часть I
ИЗГОИ

Достойные

Он вдруг засомневался, замешкался — всего на мгновенье, но ей хватило: Колючка немедленно врезала ему по яйцам краем щита.

Парни орали — никто не хотел ее победы. Но даже за общим гвалтом она расслышала, как Бранд застонал.

Отец наставлял Колючку: «Бей без продыху, а то сразу убьют». Так она и жила, к добру или к худу, — но чаще к худу. В общем, Колючка зло — и привычно — оскалилась и свирепо набросилась на Бранда.

Долбанулась плечом в плечо, щиты с грохотом столкнулись и заскрежетали, парень пятился, взрывая песок морского берега, и кривился от боли. Ударил в ответ, она увернулась и с низкого замаха долбанула своим деревянным мечом ему по икре — прямо под край кольчуги.

Бранд, к чести своей, не упал, даже не крикнул — просто отскочил и скривился еще больше. Колючка расправила плечи: пора бы мастеру Хуннану засчитать ей выигрыш! Однако ж тот стоял и молчал, подобно статуе в Зале Богов.

Некоторые наставники считали, что учебный поединок мало отличается от настоящего и прерывать его надо только после смертельного удара — в смысле, смертельного, если б дрались заточенной сталью. Но Хуннану этого было мало: ему нравилось, когда учеников укладывали мордой в грязь.

И лупцевали побольнее, чтоб жизнь медом не казалась. Колючка, надо сказать, ничего против не имела.

Поэтому она издевательски — и тоже привычно — улыбкунула и заорала: «А ну иди сюда, трус поганый!»

Бранду, конечно, силы не занимать — вон какой бычина. И решимости тоже. Но он уже хромал, да и выдохся, а еще ему приходилось идти в гору — Колючка быстренько заняла выгодную позицию. Она следила за каждым его движением: увернулась от одного удара, от другого, а потом ускользнула от неуклюжего выпада в голову. Дурачок даже и не заметил, что раскрылся сбоку. «Лучшие ножны для клинка — спина твоего врага», — учил отец. Бок — тоже ничего, если вдуматься. Ее деревянный меч глухо, словно бревно трескалось, ударил Бранду в ребра, тот беспомощно зашатался, а Колючка расплылась в ухмылке. Как же приятно вот так взять и наподдать кому-то!

Она уперлась ногой ему в задницу и несильным пинком отправила в прибор. Парень повалился на четвереньки, волна с шипением потянула за собой деревянный меч, а потом выкинула обратно на берег в мокрую грязь и водоросли.

Она подошла поближе. Бранд, кривясь от боли, быстро вскинул взгляд. Мокрые волосы залепили лицо, на зубах кровь — хорошо она ему двинула. Наверное, ей положено было жалеть поверженного врага. Но Колючка — не жалела. Никого. И уже очень давно. Жизнь такая, что не до жалости.

И она приставила ему к шее иззубренный деревянный меч и поинтересовалась:

— Что делать будем?

— Ладно, — он слабо отмахнулся. Еще бы, Бранд еле дышал, ему и говорить было трудно. — С меня хватит.

— Ха! — торжествующе выкрикнула она ему в лицо.

— Ха! — крикнула она враз поникшим парням на площадке.

ДОСТОЙНЫЕ

— Ха! — крикнула она даже мастеру Хуннану и торжественно вскинула меч и щит к плюющемуся дождем небу.

Ей вяло похлопали. Побурчали. Ну и все. А ведь она прекрасно помнила, как тут рукоплескали всякой фигне, а не победам. Впрочем, она, Колючка, здесь не затем, чтоб всякие аплодисменты слушать.

Она здесь затем, чтобы побеждать.

Иногда случается, что Матерь Война коснется не мальчика, как обычно, а девочки. И тогда ее отправляют к мальчикам и обучают искусству боя. Но с каждым годом число их уменьшается: девочки предпочитают обращаться к естественным для их пола занятиям. А тех, кто не желает это делать добровольно, заставляют. А тех, кого не заставишь, бьют смертным боем, и травят, и орут на них — пока не выполют эту дурную траву с корнем и в отряде не останутся лишь славные мужи, природой предназначенные к воинскому делу.

Если ванстерцы переходили границу, или приплывали островитяне, или в дом забирался вор — о, женщины Гетланда быстро хватались за мечи и сражались не на жизнь, а на смерть. И неплохо сражались, надо сказать. Исстари так повелось. Но чтобы баба — и вдруг прошла испытания, принесла присягу и стала воином среди воинов в отряде? Отродясь такого не слышали.

Нет, конечно, про это дело байки рассказывали. Песни пели. Но даже Старая Фен, прожившая на свете дольше всех жителей Торлбю — да что там Торлбю, люди говорили, дольше всех людей на свете! — никогда не видела такого за все несчетные годы своей жизни.

А вот теперь это взяло и случилось.

Сколько труда вложено. И травили ее, и лупили, но она всех их уделала. Колючка прикрыла глаза, Матерь Море поцеловала ее во взмокший лоб холодными солеными губами.

Как бы отец обрадовался, будь он жив. Как бы гордился дочкой...

— Я выдержала испытание... — прошептала она.

— Пока нет.

Колючка никогда не видела, чтобы мастер Хуннан улыбался. И чтобы хмурился так, как сейчас, тоже не видела.

— Я сам решу, какие испытания тебе назначить. И сам решу, прошла ты их или нет!

И он оглядел шеренгу ее сверстников — парней шестнадцати лет от роду. Некоторые стояли, надувшись от гордости, — как же, они уже выдержали испытание!

— Раук. Шаг вперед. Будешь биться с Колючкой.

Брови парня поползли вверх. Он смерил девушку взглядом и пожал плечами:

— Ну и ладно...

И шагнул вперед, раздвинув плечами дружков. Подтянул щитовой ремень, подхватил учебный меч.

Этот дрался жестоко. И умело. Силой он, конечно, уступал Бранду. Зато и сомнений не знал. Ну и что? Колючка уже побеждала в схватке с ним и теперь...

— Раук, — повторил Хуннан и уткнул шишковатый палец в следующего: — И ты, Сордаф. И Эдвал.

Радость, предвкушение победы — все это мгновенно улетучилось. Вытекло из нее, как грязная вода из треснувшей лохани. Среди парней послышался ропот: все глядели, как на песок тренировочной площадки выбирался Сордаф — здоровенный медлительный тугодум, который тем не менее никогда не упускал шанса оттоптаться по поверженному противнику. Толстые пальцы застегивали ремешки кольчуги.

Эдвал — быстрый и узкоплечий парнишка с копной каштановых кудрей — мяся и не выходил. Колючка всегда считала его одним из лучших бойцов.

— Мастер Хуннан, но нас же трое...

ДОСТОЙНЫЕ

— Хочешь в поход? — усмехнулся Хуннан. — Тогда шаг вперед. Это приказ.

Кто ж не хотел в поход? Все хотели. И Колючка тоже хотела. Очень, очень хотела. Эдвал обвел остальных хмурым взглядом, но никто не решился возразить мастеру. И парень скользнул между сверстниками и с явной неохотой подхватил деревянный меч.

— Это нечестно! — Обычно Колючка держалась молодцом, даже в самых отчаянных переделках, но тут она заблела, как овечка, которую гонят под нож.

Хуннан насмешливо фыркнул:

— Эта площадь, милая моя, — поле боя. А на поле боя — там, знаешь ли, не до честности. Запомни это на прощание.

Некоторые захихикали. Наверное, те, кого она успела отметелить в прошлом. Бранд смотрел на то, что происходило, из-под упавших на лицо волос, ладонь все еще зажимала окровавленный рот. Другие опустили глаза. Все знали, что это нечестно. И всем было плевать.

Колючка сжала зубы и обхватила пальцами щитовой руки мешочек, висевший на шее. Крепко так обхватила. Сколько себя помнила — она всегда была одна против всех. И всегда дралась против всех. Потому что Колючка — боец. Этого у нее никто не отнимет. И она им сейчас покажет, на что способна. Они надолго запомнят этот поединок...

Раук коротко кивнул остальным, и они принялись заходить с обеих сторон, окружая ее. Но это еще не самое страшное. Если бить быстро, можно вырубить кого-то одного, а дальше... дальше надо хвататься за эту соломинку. И выстоять против остальных, если повезет.

Она смотрела противникам в глаза, пытаясь предугадать следующее движение. Эдвал еле плелся, не поспевая за остальными. Ему все это не нравилось. Сордаф внимательно

следил за ней, подняв щит. Раук беспечно, напоказ, опустил меч острием вниз.

Как же охота стереть с его лица эту улыбочку. Чтоб кровью изо рта капало, ага. И больше ничего ей не надо...

Она издала боевой клич, и улыбочка Раука поблекла. Первый ее удар он принял на щит, попятился, второй тоже, щепки летели во все стороны, она посмотрела вверх, и он поддался на уловку и поднял щит повыше, а она ударила снизу — в последний миг, ничего он не успевал уже сделать, — и попала ему в бедро, хорошо так попала. Раук зарорал от боли, скрючился, повернулся к ней затылком — ну же! Она уже занесла меч, как...

И тут краем глаза она заметила какое-то движение. А потом ей врезали так, что искры из глаз полетели. Она даже не почувствовала, как падает. Просто вдруг поняла, что песок набился куда только можно и трет, а она лежит и глупо таращится в небо.

Сама виновата: занялась одним, а двух других из виду упустила.

Над ней кружили и кричали чайки.

В ясном небе четко вырисовывались башни Торлбю.

«Упала — вставай, — учил отец. — Лежа на спине поединки не выигрывают».

Колючка с трудом, медленно перекатилась на живот, мешочек выскользнул из-под воротника и повис на шнурке, лицо зверски саднило.

Накатила волна, холодная вода обожгла колени. Сордаф наступил на что-то, послышался треск, словно бы ветка сломалась.

Она попыталась подняться на ноги, но Раук наподдал ей сапогом по ребрам, и она снова покатилась по песку, кашляя.

Снова накатила и откатилась волна, с верхней губы капала кровь — кап-кап-кап — по мокрому песку.

ДОСТОЙНЫЕ

— Может, хватит? — послышался голос Эдвала.

— Я что, приказывал остановиться? — ответил ему голос Хуннана, и Колючка сжала пальцы на рукояти меча.

Ну же! Подымайся и дерись!

Она увидела, как Раук сделал шаг — чтобы еще раз ударить. И поймала его ногу, прижала к груди, сильно дернула вверх. Он зарычал, а она его перекинула на спину. Беспомощно размахивая руками, парень грохнулся наземь.

И она, пошатываясь, двинулась на Эдвала, скорее падая, чем атакуя; перед глазами качались и кружились Матерь Море и Отче Твердь, и хмурое лицо Хуннана, и выжидающие глаза парней... Он поймал ее — скорее чтоб не дать упасть, а не чтоб завалить. Она вцепилась ему в плечо, запястье вывернулось, меч вырвался из ее руки, она рванулась вперед, нетвердо держась на ногах, не удержалась, грохнулась на колени, снова поднялась, щит хлопал о бок — ремень-то порвался... А потом она развернулась, отплевываясь и костеря все на чем свет стоит и... застыла на месте.

Сордаф тоже стоял, безвольно опустив меч, и смотрел.

Раук приподнялся на локтях — и тоже смотрел.

Бранд стоял в толпе парней с открытым ртом — и все они смотрели.

Эдвал открыл рот, но не сумел ничего сказать — только странно хлопнул, как пернул. Учебный меч выпал у него из руки, и он поднес ее к ручейку, сбегавшему по его шее.

А из шеи у него торчала рукоять меча Колючки. Деревянный клинок сломался, когда Сордаф наступил на него, превратившись в длинную острую щепку. И эта щепка пропорола Эдвалу горло. Кончик ее блестел красным.

— Боги, да что же это... — кто-то прошептал.

Эдвал рухнул на колени, с губ на песок потекла кровавая пена.